

археологическом мире точки зрения, о западном их происхождении.

Таким образом, все основные археологические культуры степной зоны Восточной Европы имеют, скорее всего, западное происхождение. Ранее неизвестные здесь краниологические комплексы впервые появляются в Восточной Европе вместе с новосвободненской и древнеямной культурами. В дальнейшем удельный вес на этой территории узколистных долихокранов значительно возрастает, достигая своего максимума в срубную эпоху. В сущности все узколистные долихокраны бронзового века южнорусских степей являются с морфологической точки зрения довольно близкими вариантами одного и того же краниологического типа, восходящего к населению Средней Европы неолитической поры. Примесь населения, относящегося к антропологическим типам ближневосточного происхождения, крайне невелика и фиксируется только в степном Предкавказье. Если индоевропейцы действительно проживали в бронзовом веке на территории Северного Причерноморья, то они ни в коем случае не могли быть выходцами из Закавказья. Новый для здешних мест узколистный, резко долихокранный краниологический тип, появившийся здесь впервые во второй половине III тысячелетия до н.э., может быть, и следует связывать с индоевропейцами. В таком случае среднеевропейское их происхождение несомненно.

Г.Чеснис (Вильнюс)

ПАЛЕОПОПУЛЯЦИОННЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О ФОРМИРОВАНИИ НЕКОТОРЫХ БАЛТСКИХ ПЛЕМЕН И НАРОДНОСТЕЙ

Ввиду того что свойства элементарных популяций в некоторой степени определяются генетическими особенностями этноса, а эволюция популяционной системы есть процесс, имеющий память, возможен популяционно-генетический

подход к этиогенезу (Ю.Г.Рычков, Е.В.Яцук, 1980). В исследовании древних популяций для этих целей применяются дискретные признаки черепа, однако их генетика пока не раскрыта настолько, чтобы их можно было использовать в качестве генетических маркеров; следовательно, вопрос с биологическом расстоянии между популяциями решается на популяционно-генетическом уровне.

Результаты дисперсионного анализа 6I серии (свыше 6000 черепов) с территории Восточной Европы, преимущественно Прибалтики (Г.Чеснис, 1984), показали, что дискриминантную ценность имеет тем большее количество дискретных признаков, чем шире география и хронология сравниваемых палеопопуляций. Факторизация матрицы коэффициентов межгрупповой корреляции вышеуказанных серий выявила три комплекса диагностически наиболее важных признаков в регионе.

Кластеризация матрицы средних мер дивергенции (СМД), рассчитанных как по всем, так и по имеющим наибольшую дискриминантную ценность признакам, дает мозаичную картину взаимоотношений между 6I серией. Причина сказанного кроется в том, что не все исследованные серии черепов можно отнести к палеопопуляциям (часть их — выборки), а если допустить это, то с оговоркой: они скорее всего не элементарные, а весьма различного уровня. На мозаичном фоне выступают ступени лишь таких серий, которые отражают либо очень древнюю общность (балтские племена I тысячелетия н.э.), либо своеобразное происхождение (карелы и эстонцы II тысячелетия н.э.). Это указывает на необходимость определения популяционной структуры не диахронных совокупностей, а в отдельных разрезах времени.

Палеопопуляции I тысячелетия н.э. на территории Литвы демонстрируют четкую структуру: на уровне СМД 0,1 выделяются три кластера. Первый составляют люди культуры грунтовых могильников Центральной Литвы II-IV вв., жемайты V-VI вв. (Пагрибис) и население жемайтско-аукштайтского

пограничья У-УІ вв. (Плинкайгалис). Это согласуется с кра-ниологическими данными (Г.Чеснис, 1981) о том, что доли-хокранный узколицый тип, известный по грунтовым захороне-ниям II-IV вв., мог быть антропологической основой жемайт-ов. Второй кластер объединяет население культуры восточ-нолитовских курганов III-VI вв., всех аукштайтов У-УІ вв. (Обяляй, Гриниюнай) и жемайтов УШ-XI вв. (Мауджиорай). Родство людей из восточнолитовских курганов и аукштайтов, представляющих массивный, долихокранный, сравнительно широ-колицый тип, показано и на краниологических материалах (G.Česnuys, 1985), а поздние жемайты иного краниологичес-кого типа попали в этот кластер в результате воздействия на генофонд аукштайтов, которые в конце I тысячелетия н.э. расширяли сферу своего физического влияния на северо-за-пад. Неожиданным является объединение ятвягов III-У вв. с людьми культуры курганов II-У вв. в небольшом третьем кла-стере. Объяснение этого факта требует дополнительного ма-териала. Земгалы и селы северной части Литвы с конца I тысячелетия оказались в стороне, что хорошо согласуется с одонтологическими данными (I. Paršeskiene, G. Česnuys, 1983). При более широком территориальном сопоставлении, вопреки нашим ожиданиям, латгалы I тысячелетия н.э. (Лейсбитени, Одукалис) оказались отделенными не только от аукштайтов, но и от балтских племен Литвы в целом. Черняховцы и боль-шинство средневековых славян тоже образуют отдельные клас-теры, за исключением радимичей, полоцких и смоленских кри-вичей, а также населения балто-славянского пограничья, ко-торые фенетически близки к литовским сериям I тысячелетия н.э. Это объясняется участием балтских племен в сложении некоторых восточнославянских групп (Т.И.Алексеева, 1973).

Палеопопуляции II тысячелетия н.э. с территории Литвы пришлось группировать по ареалам диалектов литовского язы-ка (Z. Zinkevičius, 1966), ибо с начала образования на-родности говоры следует считать наиболее ярким региональ-ным отличием. Дендрограмма кластеризации СМД имеет весьма

мозаичный характер, что можно считать свидетельством ма-лой древности различий по этой системе признаков (В.Е.Де-рябин, 1981). Кстати, в сравнительно пестрой картине рас-пределения другой антропологической системы — признаков латеральности — у современного населения Литвы выявлена генетическая память о диалектном периоде этногенеза, что выразилось в структуре популяций, приуроченной к ареалам говоров (G.Česnuys, R. Jankevičius, 1983).

Многие связи в схеме взаимоотношений между палеопо-пуляциями XIV-XVII вв. лишены видимого смысла и выглядят скорее случайными. Исключение составляют близость каунас-ских западных аукштайтов к восточным аукштайтам, что ука-зывает на обмен генофондами между Занеманьем и более от-даленными местами правобережья Немунаса; тесная связь меж-ду шауляйскими западными аукштайтами и населением пограни-чья между западными и восточными аукштайтами, что объясня-ется их территориальной близостью. Жемайтские говоры оказа-лись в этой схеме рассредоточенными. Структура 35 популя-ций II тысячел. со всей Прибалтики еще более мозаична. Из трех латышских серий лишь курши образуют объяснимую связь с расейняйскими южными жемайтскими, а селы и латгалы теря-ются в совершенно случайных кластерах. Интересно отметить, что эстонцы и карелы в этой схеме сохраняют свои обособ-ленность.

Итак, в аспекте палеопопуляционного подхода находят подтверждение некоторые положения этногенеза, установлен-ные в крапнометрическом плане; такой подход способствует выявлению ее этногенеза, прибавлению информации, сохра-нившейся в генетической памяти популяций. Эта память тем ярче, чем древнее исследуемый пласт; по мере приближения к современности она теряется в хаотичном распределении новых фенетических различий, возникших, по всей вероятности, в результате постоянного роста мобильности населения.